

Алексей
МАЛЬКОВ
с. Алферьевка,
Пензенская область

ХОМУТ с хвоста не надевают

рассказ

1

Захар Бурлаков всю ночь, «разливая» аромат перегара, осыпал отборным матом всех, и так, что ходила изба по горнице, сени по полатам — впору выноси всех святых. Двери визжали в зловонном испуге и, верно, сбежали б, если б не петли. Лишь под утро, когда совсем выдохлось вино вчерашнего «Карнавала», Захар от головной боли и жажды сменил гнев на милость. Причисляя благоверную жену Марию к клику святых, проклинал себя и в очередной раз зарекался бросить пить.

— Буду умён. Капли в рот не возьму ни по воскресеньям, ни по Вознесеньям. Только спаси, Марусенька, — прокуренным голосом басил Захар. — Сходи к Шубурихе, спроси асьнадцать грамм.

— Будешь умён, как Кутыркин Семён, книги

продал, а карты купил. Насколько твоих зареканий хватит, — не стерпела Мария, — от воскресенья до поднесенья...

Захар грешно нагнул голову и, безмолвствуя, слушал полный перечень собственных прегрешений. Почесал пятернёй густую рыжую шевелюру на затылке, отшвырнул сигарету и как рыкнет во весь голос.

— Прошу-то асьнадцать грамм.

— И так по уши в долгах. Взять не хитро, а чем отдавать будем?

— Должен, не спорю, отдам. А станет доставать — век ей долг не видать, — огрызнулся Захар.

Чувствуя в его движениях хмельную готовность на безответственные поступки, сострадательная Мария чуть слышно промолвила.

— Есть у меня водка, но только ножная.

Захар представил себе эту ножную, которую Мария настаивала на разнотравье для натирания ног, поморщился.

— А то налью. Небось, от неё скорее полегчает? Там много, хватит и мне натираться.

— Наливай-ка, — буркнул он.

Мария достала из-за божницы початую бутылку с неопределённого цвета жидкостью и поставила перед Захаром. Тот, не раздумывая, сел за стол и налил полный гранёный стакан. Крепко зажмурив глаза, залпом опрокинул его, словно заливая пожар.

В голове медленно, кругообразно всё переворачивалось сначала в одну сторону, потом в другую, но легче от этого ему не становилось. Он с трудом поднялся, больно ударился коленом об угол скамейки. Стоная и охая, сняв лишь сапоги и шапку, с трудом взобрался на печку. Повернул к стене обросшее щетиной, густо нашлёпанное крупными веснушками лицо и во всю мощь захрапел. Он так долго и так много втягивал в себя воздуха, пропахшего табаком и перегаром, а потом со звериным рыком выталкивал его обратно, отчего в избе казалось совсем тесно. Захар впервые утром не осилил с похмелья встать и вместо работы остался дома отлёживаться.

2

Коренастый, невысокого роста, пенсионного возраста Захар работал вместе с Марией на свиноферме кормачом. На лошади подвозил и раздавал корм животным. Кроме главной работы, им целый день затыкали мелкие прорехи. То починить кормушку, продолбить в стене дырку. Никто и никогда не спрашивал Захара, нравится ли ему делать то, что постоянно делал, и сам он об этом никому ничего не говорил. Понял он лишь одно — всех колхозных дел не переделать, всё равно что ретивому коню тот же корм, а работы вдвое. Поэтому работал молча: крикнут — пойдёт, прикажут — остановится. В селе никому не мог отказать: в любое время, кто бы ни обратился к нему, всегда готов выручить. Кому кабанчика заколет, кому соломки привезёт. И каждый старался отблагодарить... бутылкой. От одного открутится, другого, глядишь, уважит и сядет за стол. Да так пристра-

тился пить, что за часто употребляемое слово по поводу и без того носил привычное для всех прозвище Наливайка.

Вчера после обеда Захар попросил напарника Ярыгу помочь престарелой Шубурихе перевезти по заморозку сено для козы, заготовленное летом на вязких трясилах. Захар справился бы и сам, да стыдно было перед старушкой: аванс давно пропил, а работу не выполнил.

Проводив Ярыгу, он работал за двоих. К вечеру устал, решил передохнуть. Зажал в кулаке потрёпанную шапку с кожаным верхом грязно-бежевого цвета. Она была у него и в пир и в мир одна одежда. Вытер рукавом ватника обильный пот, щиплющий глаза, взьерошил козырьком сплывшие волосы, поднял голову и, надеясь, что разгорячённое лицо уловит ветерок, вышел из помещения. Облизнул пересохшие губы, сплюнул и закурил. Вонючий дымок дешёвой сигаретки лениво слоился в загустевшем воздухе поздней осени, не желая растворяться, как будто Захар находился в тесной комнатухе, а не на улице.

Вдруг подул ветерок, и дымок потянуло в сторону, откуда, разбрасывая, словно оборванные ключья кружев из затянувшихся льдинками земляных блюдеч, к свинарнику медленно, громыхая по замёрзшим комьям земли скрипучими колёсами, подползла, фыркающая и попрашивая поводырь, долгожданная повозка, пахнущая лошадиным потом и сеном.

Захар спешно вошёл в помещение, взял гранёный стакан, взглянул через него, как астроном на звёзды, натуженно дунул внутрь, натренированным движением руки сунул в карман замасленной телогрейки и вышел встречать Ярыгу.

Лошадь почувствовала, как над взнзданными губами натянулись вожжи, и, фыркнув, остановилась. Ярыга нарочито остановил телегу рядом с Захаром, плутовски улыбнулся и громко крикнул:

— Здорово!

— Здравее видали, — окинув Ярыгу усталым взглядом, недовольно отозвался Захар и, окутываясь едким облачком дыма, вопросительно подняв брови, совсем серьёзно спросил.

— Привёз?

— То не извоз, коли в путину, на кнут не работаешь, — удовлетворённо хмыкнул Ярыга. Он вспрыгнул с телеги, снял с колечка дуги

поводья и привязал лошадь к коновязи. Резким движением руки сдёрнул с клочка сена, что осталось в телеге, толстый плащ, выданный ему завхозом на случай непогоды. И в углу телеги Захар увидел сумку, из которой выглядывала прикрытая размокшей газетой трёхлитровая банка, наполненная по горлышко мутной жидкостью. Вопреки воле сглотнул неволью совсем неожиданную слюну. Его большой кадык предательски прыгал то в пазуху, то за подбородок. Из развалившейся сырой газеты, один вытесняя другого, выглядывали сморщенные, как сама Чугуниха, солёные огурцы. Лишь большая горбушка хлеба, что лежала рядом с сумкой, сдобривала взгляд.

Пока Ярыга расстилал выдавший виды плащ под стожком соломы, Захар, ссутуленный от холода, от ощущения, что в брюхе словно кто-то на дрожках ездит, взял огурец, отломил часть горбушки и не заметил, как съел.

— Плохо, — поразмыслил Захар, — брюхо-то есть. Да только нечего поесть.

Потом подумал и пожалел, что напрасно себя обманул. Не столько ему хотелось есть, сколько выпить. И всё равно он выпьет, потому что жизнь пошла куда-то вкось. Всё, что основывал он и его предки, беспощадно, изуверски рушилось, расхишалось и продавалось, заполняя карманчики начальникам. А поняв это, Захар совсем расстроился, что съел огурец с хлебом. Теперь самогон ляжет без всякой пользы и не на чистый организм, а смешается с пищей, и может получиться так, что он никакого облегчения не принесёт.

— Натощак-то мне и двух стаканов хватило бы, — грустно подумал он, — а на сытое брюхо теперь, возможно, и четырёх будет мало.

Он сел на плащ, взял толстыми пальцами желанную банку и резко несколько раз встряхнул. Довольный буйством воздушных пузырьков, пытающихся, словно сивушный бес, вырваться наружу, он чмокнул доньшко и установил ёмкость рядышком с собой.

3

Захар с Ярыгой по возрасту были годки, но Ярыга выглядел намного старше. Сутулая,

худощавая фигура и глубокие морщины, темной несмываемой паутиной покрывшие лицо и ладони рук, выдавали его нелёгкую жизнь.

Не так было ему хотелось жить, да так, видимо, Бог распорядился. Он рано овдовел. Не хотел он, чтобы его Полина работала вместе с ним на ферме, слишком тяжёлый был труд. Но, желая покрепче свить семейное гнёздышко, где уже намечалось прибавление, она работала и в колхозе, и дома вела большое хозяйство. Они уже было подсчитали и переписали всё, что понадобится будущему ребёнку вплоть до школы. Но за повседневной работой заботу о своём здоровье Полина оставляла на потом. Всё было недосуг выкроить время на отдых. В один из дней ей стало плохо. Тут же вызвали «скорую помощь». Но «скорая» приехала с большим опозданием.

На селе говорили, что якобы шофёр по дороге из города завозил цыплят свояченице, да забуксовал.

Как бы то ни было, а белобрысый молоденький фельдшер с маленькими синими глазками на веснушчатом лице стоял, скособочившись, у холодных ног Полины, перед столом, на котором она лежала, и виновато молчал. Горсть сырой земли осалила разлуку Ярыги с Полиной.

От судьбы не уйдёшь. С того дня по судьбе Ярыги словно бороной прошли. Изба стала прибежищем одинокого мужчины. Чтобы хоть как-то приглушить незаживающую рану, он всю неделю работал на людей, лишь спал на себя. Отработав на ферме, вечерами помогал забытым Богом и людьми старикам. Кому воды принесёт, кому хвороста нарубит, а то, глядишь, и баньку протопит — одну для всех стариков с улицы. На деревне его называли Тимуровец. Дома вина не пил, а в людях, когда поднесут в знак благодарности, обязательно выпьет. Труд его оценивали по-разному. Кто покормит и стопку-другую нальёт, а кто-то и поделится своими стариковскими запасами. Этим и жил. Солнца нет, так и месяц светит.

— Счастье было, да меж пальцев проскочило, — всякий раз так он оправдывал свою одинокую жизнь, — видимо, Бог так велел, кому как, а мне эдак.

4

Ярыга распряг лошадь, что пылила и брызгала пенным потом, и отвел в конюшню. Повесил хомут, седёлку, вожжи и бросил на гвоздь поверх них уздечку. Удила, ударившись один о другой, издали глухой металлический звон, словно давая отбой рабочему дню.

Тяжело вздохнув, он, понурый, пошёл к стожке. Ему не столько хотелось выпить, сколько выплеснуть наружу скопившуюся душевную грусть.

Захар дожидался и выслушивал, как грустно скрипели старые потрескавшиеся вётлы. В его растрёпанные рыжие волосы, что торчали ёжиком вокруг лысины на затылке, ветер властно впутывал мягкую сыпучую мякину соломы. Ссутуленный от стужи, он, едва лишь увидев, торопил Ярыгу.

— Бог долго терпит, да больно ударяет.

— Успеешь. Твои речи ещё впереди, — шутя отозвался Ярыга, подошёл и присел рядом на корточки.

— Ты обедал, — упрекнул его Захар, — а я весь день не пил, не ел. Только пот на лице был. Наливай-ка, — и протянул к банке руку с крепко зажатым гранёным стаканом.

— Тебе сколько? — полушутя спросил Ярыга.

— Твоя шутка в горло не лезет, — отозвался Захар, — аль краёв не видишь?

За три глотка он опустошил стакан не переводя духу, затем сам наполнил и опять сглотнул и только потом шагнул к бочке с водой. Сверху разогнал тонкие льдинки, тем же стаканом прополоскал рот, выплюнул, воду выпил и присел рядом с банкой.

Ярыга, зажмурив глаза, мучительно втягивал в себя сквозь зубы мутную вонючую жидкость. Страдальчески опустошив стакан, хрипло выдал.

— Крепка!

— Поднесли, так пей. Ешь что дают, — поучал Захар. — Такую горечь — горьким и запивать. Лучше закуси хреновиной с луком. Запах нарочь отбивает.

Он протянул Ярыге небольшую баночку со смесью, что лежала в сумке под огурцами. Хмельная муть приглушила душевную грусть, и Ярыга доверительно положил руку на плечо

Захара. Полно вздохнул и вслух, как бы упрекая себя, произнёс:

— Нечто я у Бога телёнка украл, что он меня в жизни счастьем обходит?

— Я тебе по-свойски скажу, напрямик. Ты в счастье здорово-то не верь и беды не пугайся. Счастье здорово-то не верь и беды не пугайся. Счастье — красная кобыла, хомута не наденешь. Счастье — красный конь, если не удержался за гриву, за хвост не удержишься. — Захар вздохнул, наморщил лоб, закурил. — Наше счастье что вода в бредне. Но ты сам своё счастье ногой оттолкнул. Разве я тебе после Полинки плохую бабу в Воробьёвке присватал? Красивая, что солнце, во все глаза не взглянешь, а ты вышвырнул её.

— Баба-то она распрекрасная, спору нет, да уж больно дербалызнуть любила. И я сдуру пристрастился с ней. Спасибо добрым людям, остановили, да уж поздно. Всё, что мы с Полинкой нажили, она променяла на самогон. Не зря говорят: «Наряди свинью в серьги, а она всё равно в навоз лезет». Всё чаще мне снится Полинушка. Жалеет меня. Только с ней я и был счастлив, да коротким оказалось наше счастье. — Ярыга замолчал и махнул рукой, как бы выражая обречённость своей жизни.

— Что о том тужить, чего нельзя воротить. От судьбы не уйдёшь, — смиренно пояснил Захар.

Он наполнил стакан и предложил: — Ты выпей ещё, тоску быстрее отпустит. А если не пить, так и на свете не жить. Вон Разорёнов живёт, никогда не горюет. Он и в святцы не глядит, ему праздники каждый день душа подсказывает.

— Разорёнов-то бригадир, — кисло поморщился Ярыга. — Ему всё можно. А пить-то, как он, и я умею, а за что Бог не милует, не знаю. Ума не приложу.

Захар терпеливо, не перебивая, выслушал его, согласно кивнул головой и, раздражённо скрипя зубами, выдавил:

— Наливай-ка.

Сглотив содержимое, поморщился, вытер губы рукавом телогрейки, закурил.

— Ничего, обтерпимся, и мы люди будем. Не всегда же так будет, кому кнут да вожжи, а кому хомут на шею, — затянувшись горьким дымом, вслух рассуждал Захар. — Всякому своя обида горька. Вот председатель наш едва слез с горшка, да и в колхозе проработал без году неделю, а себе такой особняк отгрохал, что храм без колоколь-

ни. А зачем ему звонить? Жрать захочем, сами приползём к его бесовскому дому просить работу. За гаражом, в котором стоят две его козырные легковушки, здание сельской власти смотрится убогой хижинкой. На наших дрожжах его тесто взошло. А колхозников он спросил? Хорошо ездить, у кого свой кнут на чужих коней.

— А что мы с тобой, — с досадой плюнул Ярыга, — кнут в оглобли не заложишь, да и на кнуте далеко не уедешь.

— Наливай-ка, — скрипя зубами, процедил Захар. — Ху... овцам, когда волк в пастухах.

— Вот и я говорю: всё ну да ну, а тпрукнуть-то и некому, — попытался поддержать его Ярыга.

— Не рычи под руку, а то и без того от горя не отдерёшься, — Захар нюхал, прислонял к носу кусочек хлеба и, залпом опорожнив стакан, засунул его за поросшие щетиной скулы. — Что ему до нас, было бы ему хорошо. Всяк сам себе хорош, сам себе загляденье.

Через час банка была пуста. Захара совсем развезло. Он крепко хватал Ярыгу за ворот фуфайки, тянул к себе и грозно вопрошал:

— Разве так можно жить? Кто дал право?

Ярыга, полон мутной грусти, надел шапку, встал и покачнулся, чуть было не упал от ударившего в голову хмеля. Он посмотрел на Захара, который так замочил губы, что поперёк глаза пальца не видит, и скомандовал.

— Поели, попили, пора по домам.

— Зачем до-о-мой, коль всё с собой, я ещё не пьян, коли шапка на го-о-ло-ве, — нараспев, не осилив переплюнуть через губу, едва протянул Наливайка.

— Благослови Бог встать, а ляжем сами. — Ярыга тяжело вздохнул. С большим трудом приподнял и попытался закинуть его руку через плечо, но не удержал. Захар грузно упал и, видимо, больно ударился боком о колесо рядом стоящей телеги. Вторая попытка Ярыге удалась, он почувствовал, что поклажа нелегка, но друга не бросишь. Конюховку закрыли, а кнут в оглобли не запряжешь.

— Ну, спаси нас, Богородица, и помилуй Канеевка — самый крайний дом, — взмолился Ярыга.

Чёрная ночь властно взяла их в свои объятия, сделала всю дорогу гладкой, не видно было ни зги, хоть глаз выколи.

Захар первые несколько шагов словно бревно

клонился и падал на замёрзшие комья земли, укладывая на себя проводника. Так он падал много раз. Вконец боль от падения стала выбивать из него зловонную сивуху. Падал-то болезненно, да поднимался быстро. Они шагали, качаясь, размахивая руками, зачастую спотыкались и останавливались, не соображая, куда ни на есть идут. Но вот впереди, словно свеча, с трудом разрезая густую темноту, столбовой фонарь обозначил крайний дом Канеевки. Это был единственный ориентир, способный упорядочить бессистемные движения.

— Иду не иду, пошёл — не иду, а пришёл, так иду, — бормотал Наливайка. — А вон сияет храм без колокольни. Пришли...

5

Терпеливая, тихая, невеликого роста, заботливая «просто Мария» была расторопна в делах и дома, и на работе. Всю прошедшую ночь не сомкнула глаз, вынужденно слушала пьяные проклятия мужа. Она задолго до рассвета убралась во дворе, приготовила завтрак детям к школе и, оставив спящими их и едва утомившегося мужа, ушла на работу. Чужим ртом сыта не будешь.

Отработав без обеда за себя и за Захара, она не торопилась домой. И вовсе не потому, что её дома никто не ждал и не тяготил груз домашних дел. Скорее наоборот. Весь день ей казалось, что ненакормленная скотина на личном подворье истошным рёвом оглушила село.

Закончив рабочий день на ферме, Мария торопилась сумерки, чтобы с фермы вынести для своей живности сумку комбикорма, загодя приготовленную в одной из пустующих кормушек. Заметая в очередной раз и без того чистый проход в помещение свинарника, она даже не заметила, как за спиной появился зоотехник Хитров. Ждала сова галку, да выждала палку. Но он, пройдя из конца в конец помещения, пробубнил Марии дежурное своё слово «молодец», покинул помещение. Вскоре его тяжело нагруженный «пирожок», перекачиваясь с боку на бок, из ухабины в ухабину, скрылся в темноте осенней ночи.

Погода была такая же, как и вчера. Ничуть не потеплело. В густом студеном воздухе плутали

твердые снежинки. Лужи прихватило, да не до самого дна. И грязь никто не прировнял. Как смёрзлась она комьями, так и ходи, спотыкайся. Ветер не набрасывался из-за каждого угла, но дул холодный, северный. Одинокий, круглые сутки не гаснувший фонарь, мерно раскачиваясь на столбе, лениво рассыпал рваные тени деревьев и безрезультатно пытался осветить территорию фермы. Мерклый свет в сторожевом помещении едва-едва высвечивал сквозь маленькое мутное оконце фигуру сторожихи Дуськи Простаковой, занятой вязанием очередной пары носков. За безграничную открытость её называли одни «сафранное радио», а другие «живая газета». Марию это не пугало. Она знала, что вряд ли Евдокия оторвётся от спиц, пока не довяжет носок. После чего замысловато привяжет вожжами ручку двери к косяку и, как всегда, ляжет спать. Да и знала она Евдокию как облупленную, ещё в девках вместе на улице ходили.

С трудом приподняв усталыми руками тяжёлую, объёмистую сумку на плечо, Мария прошла незамеченной мимо караулки. Растворяясь в желанной темноте, облегченно вздохнула. А куда ступать — ни черта не видно, что есть глаза, что их нет. Спотыкаясь, сбивая подмерзшие комья грязи, ноги сами несли Марию домой, до которого, казалось, рукой подать. Хотелось скорее на детей глянуть. Может, они и голодные, и холодные, и разутые, и раздетые бегают. На мужика-то какая надежда. Не успела она сделать и двадцати шагов, как из-за поворота выскочил милицейский «уазик». Машина, изрыгая яростный рёв, неслась навстречу с тупой беспощадностью. Яркий, ослепительный, словно гроза, свет машины вырвал её из темноты. За резким визгом тормозов последовал окрик «стой», от которого Мария упала на колени, и ей показалось, что земля ушла из-под ног.

6

Подошёл совсем молодой, крепкий, в безукоризненно подогнанной форме лейтенант милиции. Без особого труда он приподнял худую Марию, что весом была чуть тяжелее сумки. Взял под локоток, как переводят

старушку через улицу, и, точно собираясь поделиться секретом, настоятельно потребовал пройти в стоящее рядом караульное помещение для составления протокола.

Войдя в караулку, милиционер поздоровался со сторожихой так, точно знал её не один год. Представился:

— Инспектор по борьбе с хищениями государственной собственности лейтенант Правосудов.

Он по-хозяйски откинулся на спинку единственного стула, у которого передние ножки были короче задних, по всей вероятности, сознательно отпиленные дальновидным ответственным лицом, чтобы стул не «ушел». Выразительно разгладил указательным пальцем едва-едва проклеывающиеся усы. Прикурил сигарету от провода, намотанного на толстую асбестовую трубу. Посмотрел на Марию, потом на Евдокию. И, разложив бумаги на колченогом столе, не скрывал душевного удовлетворения, дескать, не понапрасну вынашивает погоны, начал тщательно, не спеша опрашивать задержанную с поличным Марию, которая от испуга на какое-то время лишилась языка.

Склонив голову на колени, Мария сидела на несчастной сумке, заливаясь слезами. Она и по жизни была гораздо только кланяться перед начальством, а говорить не умела, никак слово не доищется.

Бойкая на язык сторожиха Простакова от неожиданности поначалу тоже было растерялась. Потопталась у порога, не то собираясь что-то сказать, не то ожидая, что ей что-то скажут. Но видя, что Мария не может вымолвить слова, вышла из холодного оцепенения, испугалась: «Батюшки, не онемела ли совсем?»

Быстрым движением заправила под платок выбившуюся прядь и начала упрекать Марию:

— Что молчишь-то? Ведь сытый человек по голодному не плачет, — мрачно попыталась успокоить её Евдокия. И с присущей только ей не знающей границ откровенностью она притворно раздвинула губы в невольной улыбке, да так улыбнулась, глядя в глаза Правосудову, как улыбаются желанному гостю, авось размякнет, станет добрее, принялась просить за подругу:

— Товарищ начальник, вы уж, пожалуйста, простите её, — прижимая усиленно руки крест-

накрест к груди, принялась причитать она, с мольбой заглядывала ему в глаза, вымучивая при этом из себя улыбку. — Я двадцать лет сторожу и могу поручиться, что Мария за всю жизнь первый раз несёт комбикорм, да и незачем ей его таскать, потому что у неё мужик каждый день на лошади возит, а сегодня он с похмелья не вышел на работу. Вечор с Ярыгой чугунихиной козе сено привез, та, видимо, не покупилась угостить, а он меры-то не знает. Что тут калякать, слабеет Захар. Годы...

Напыщенный Правосудов был мрачнее тучи и всем своим видом давал понять, что он и в мыслях не допускает давать делу задний ход.

— Тот много печалится, кто сильно ручается, — безжалостно внушительно заметил он Евдокии.

Его хладнокровная уверенность каждый раз всё больше и больше выводила Евдокию из равновесия. Недовольно поджав губы, принялась упрекать Марию:

— Ты что же такое дело дотянула до темноты? Ноне в обед Ярыга бригадиру Разорёнову мешок возил, а с ним и все свинарки по сумке вывезли. А если бы попалась зоотехнику? Тебе ли не знать, что в сумерки он сам приезжает за кормами. — И, успокаиваясь, она снисходительно, сочувствующе посоветовала:

— На такой случай, чтоб сумками не чалить, не с твоим-то здоровьем, ты выбрала бы минуту, подошла бы потихоньку к Фаине Халявкиной, нашей кладовщице, да взяла бы у неё мешок-другой. Главное, чтобы никто не видал, а потом

мясом или маслом с ней рассчиталась. По себе знаю, что на одной травке поросёночка не выкормишь. Она меня, грешным делом, всегда вот так выручает. Да что зрёй-то калякать? Чай всяка птичка своим носом съта.

И Евдокия, уверенная в правильности своих выводов, добавила:

— Ноне того не берут, чего в руки не дают. Я знаю, многие так делают...

После этих слов она спохватилась, да так, будто лейтенант Правосудов хитростью вытянул из неё только ей ведомую тайну. От такой откровенности у милиционера широко раскрылись глаза, он попытался было что-то возразить Евдокии.

Рядом стоящий пожилой сержант, водитель «уазика», сочувственно разглядывал неразгибающиеся пальцы рук Марии, которые неуклюже пытались остановить ручьём бегущие слёзы на морщинистом, с впалыми щеками лице. Вдыхая специфический запах от ватника, видя заношенные, залатанные тяжёлые мужские сапоги на её ногах, он, нарушая устав, с укором сказал старшему по званию:

— Хомут с хвоста не надевают, — и вышел из караульного помещения.

Постояв немного, тихонько следом за ним, положив в офицерский планшет незаполненный бланк протокола, надвинув пониже козырёк милицейской фуражки, словно тусклый свет в караулке слепил глаза, тяжело вздохнув, удалился молодой, начинающий службу лейтенант Правосудов.

□

Алексей Степанович МАЛЬКОВ

родился в 1953 г. в с. Липяги Пензенской обл.

Окончил Пензенский государственный

педагогический университет им. В.Г. Белинского,

Пензенский колледж культуры и искусства,

Московский заочный народный университет культуры.

Журналист, прозаик.

Член Союза журналистов России.

Живет в с. Алферьевка Пензенской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

